

Константин Баршт

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ: ТЕЛЕСНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ „ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“

Повествователь *Счастливой Москвы* называет тело человека „существом всякого дела“ (Платонов 1999, 25),¹ открывая для нас смысловые перспективы антропологической системы писателя: человек функционально и онтологически определяется через универсализм своей космической роли. С другой стороны, граница между телом человека и остальной субстанцией мироздания носит условный и не непреодолимый характер; телесность человека оказывается частным случаем „самодельной“ работы имманентно живого „вещества существования“. В мире Платонова исчезает водораздел между „живым“ и „неживым“ телом: телесностью и индивидуальностью может располагать любой участок субстанции жизни, отнюдь не только представитель фауны и флоры. Это определяет характерный ряд вариантов онтологических модусов „вещества существования“, объясняет принцип отграничения одного тела от другого, фиксирует его актуальную живую энергетику и выражает склонность человеческого тела, высшей ступени в формообразующей эволюции „вещества“, к физико-органическому преобразению. Проследим за тем, как в соответствии с этой логикой развивается мысль писателя.

Модусы вещества

В романе *Чевенгур* описывается паровоз как этически совершенное живое существо, обладающее „величественным телом“ и „великодушием“: „На-ставник сосредоточился, чувствуя в себе гудящий безотчетный восторг...“ (Платонов 1988, 54).² В рассказе „Никодим Максимов“ внимание солдат фиксируется на „темном теле“ танка (Платонов 1985, 1, 99).³ Живым телом обладают также растения: „Никита сломал стебель – тело цветка и увидел в нем молоко. – Ты маленький ребенок был, ты мать свою сосал! – удивился Никита“ (СС, 3, 203). „Телесным существом“ может оказаться плотина на

¹ Далее в тексте как СМ.

² Далее в тексте как Ч.

³ Далее в тексте как СС с указанием тома.

реке (рассказ „Дед-солдат“) или архитектурная постройка,⁴ способные быть субъектами и объектами „существа дела“. Принципиальное неразличение героями Платонова тела и вещи свойственно также растениям и животным. В своих *Записных книжках* писатель сделал запись о жеребенке, который бегаёт за трактором, думая, что это его мать (Платонов 2000, 48).⁵ На этом основан интерес Александра Дванова (*Чевенгур*) к неодушевленному предмету, он видит в нем воплощенное в личность „вещество существования“; его стремление понять машину оказывается поиском смысла сокровенности телесного „вещества“, представленного механизмом. Философская созерцательность Саши Дванова сродни поискам Святого Франциска, ищущего общий язык со всеми тварями и предметами Бытия:

Его влечение не было любопытством, которое кончалось вместе с открытием секрета машины. Сашу интересовали машины наравне с другими действующими и живыми предметами. Он, скорее, хотел почувствовать их, пережить их жизнь, чем узнать. Поэтому, возвращаясь с работы, Саша воображал себя паровозом и производил все звуки, какие издает паровоз на ходу. Засыпая, он думал, что куры в деревне давно спят, и это сознание общности с курами или паровозом давало ему удовлетворение. (Ч, 65)

Параллельно жизни Дванова, идущей с помощью отождествления себя с паровозом, другой персонаж *Чевенгура*, Яков Титыч „жил посредством таракана“ (Ч, 339). Он сокрушается, что не всему в мире „жить дано“, однако утешается тем, что любое живое существо и любая вещь во Вселенной состоят из одного и того же вещества: „Яков Титыч [...] грустил за них: ‘И вам тоже жить там не дано’, а затем привставал, чтобы громко всех поздравить: ‘Пускай не дано, зато вещество одинаковое: что я, что звезда...’“ (Ч, 305). Отсюда делается вывод: если субстанции моего „я“ и всего Космоса одинаковы, обладая точкой сознания и памятью, следовательно, и у Вселенной как целого „вещества жизни“ также есть сознание и память.⁶ Так и герою *Счастливой Москвы* Сарториусу, в частности, становится ясно, что „душа и мысль его, заодно с однообразным телом, было устроены до смерти одинаково“ (СМ, 78). Возникает „непроизвольная самодельность“ человека, которая является прямым телесным выражением сокровенных жизненных сил, присутствующих в каждом атоме космического вещества.

⁴ „Сотых поправил Чепурному свалившуюся голову, прикрыл худое тело шинелью и встал уходить отсюда навсегда. – Прощай, сарай! – сказал он в дверях ночному помещению. – Живи, не гори!“ (Ч, 256).

⁵ Далее в тексте как ЗК.

⁶ Здесь мысль А. Платонова проделывает путь, параллельный или последовательный, относительно известной концепции жизни как „сознания, пробегающего через материю“ А. Бергсона („Творческая эволюция“).

Герои Платонова постоянно вглядываются в тело Земли, думая о ней с надеждой. Гюльчатая в *Джане* постоянно трогает руками песок, подозревая, что „в нем лежат какие-то вещи“ (Платонов 1990, 508).⁷ Жизненная сила, заключенная в любом кусочке вещества, только и ждет, чтобы реализовать себя в новом качестве – прорасти, ожить, перевоплотиться в новом состоянии с новой энергетикой:

Минуя село, Захар Павлович увидел лапоть; лапоть тоже ожил без людей и нашел свою судьбу – он дал из себя отросток шелюги, а остальным телом гнил в прах и хранил тень под корешком будущего куста. Под лаптем была, наверное, почва посырее, потому что сквозь него тшились пролезть множество бледных травинки. (Ч, 30)

Эта тенденция „прорастания“ живой субстанции через „прах“ распространяется на все виды веществ и все виды энергии, из которых состоит тело человека, тела других вещей и существ. Материя и энергия естественным образом перетекают друг в друга, поэтому человеческие чувства также есть выражение телесности – качественное и количественное. Сербинов спрашивает у Дванова, есть ли у них в Чевенгуре горе и грусть, и получает ответ: „Горе и грусть это тоже тело человека“ (Ч, 382).

Поскольку телесная природа всех существ – живых и умерших, одушевленных и неодушевленных – едина, то, по Платонову, любое потребление пищи выливается в канибализм. Тема поедания человеческого тела как синонима пищевого питания – одна из самых устойчивых в произведениях писателя. См. в *Чевенгуре*:

Мальчик сначала забылся в прохладе покойного сна, а потом сразу вскрикнул, открыл глаза и увидел, что мать вынимает его за голову из сумки, где ему было тепло среди мягкого хлеба, и раздает отваливающимися кусками его слабое тело [...] голым бабам – нищенкам. (Ч, 308-309)

О том, насколько важна была Платонову эта аллегория, говорит ее буквальное повторение и в *Счастливой Москве* во сне Москвы Честновой о съедании ее тела другими живыми существами:

Она бежала по улице, где жили животные и люди, – животные отрывали от нее куски тела и съедали их, люди впивались и задерживали, но она бежала от них далее, вниз, к пустому морю, где кто-то плакал по ней; туловище ее ежеминутно уменьшалось, одежду давно содрали люди, наконец, остались торчащие кости, –

⁷ Далее в тексте как Д.

тогда и эти кости начали обламывать попутные дети, но Москва, чувствуя себя худой и все более уменьшающейся, терпеливо убежала дальше, лишь бы никогда не возвращаться в страшные покинутые места, откуда она убежала, лишь бы уцелеть, хотя бы в виде ничтожного существа из нескольких сухих костей... Она упала на жесткие камни и все, кто рвал и ел ее в бегстве, навалились на нее тяжестью. (СМ, 65)

Насильственные или добровольные обмены телами или частями тел выражают идею неуничтожимой и универсальной связи между любым индивидуальным существом и всем остальным „веществом жизни“. Мотив вбирания в себя окружающей среды телами разных живых существ осмыслился Платоновым как правильная форма телесного отношения всего живого к окружающему „веществу“: „Дерево вьело себе в тело огромные камни, окружило их корой, освоило и выросло дальше. Так надо каждому – взять попутные мешающие камни и увлечь с собою в рост“ (ЗК, 140). Крыса, которая отъела кусок от ноги главного героя „Мусорного ветра“, принимает в свое тело не просто его плоть, но часть его бытия; при этом, даже мертвая, она оказывается хранилищем энергии, которую произвел своим телом Лихтенберг из содержимого помойной ямы. Не случайно эта сцена появилась в замысле „Мусорного ветра“ одной из первых. Этот же мотив мы находим и в записной книжке Платонова: „Стратилат от удара почувствовал хрящ (кусок мяса) во рту и от голода проглотил его – это было его личное, собственное мясо“ (ЗК, 110). Здесь сказалась уверенность Платонова в том, что мертвое – это начальная точка раскачки той мировой синусоиды, которая сохранит эту энергию неуничтожимой: „Теперь сила Лихтенберга хранилась в покойном животном“ (Платонов 1982, 304).⁸

Платонов моделирует свою версию закона сохранения энергии, где ничто никуда не пропадает, позитивное (этико-энергетическое накопление) противостоит негативному (этико-энергетическая энтропия, разрушение человеческого существа и Земли); каждый может внести свою лепту в тот или иной лагерь, отняв или добавив энергии своему личному „веществу существования“ и всей Земле в целом. Мертвая крыса – исключительно надежное хранилище жизненной энергии Лихтенберга, подобно тому как помой – достаточно надежный источник получения этой энергии. Энергия переходит в вещество, а вещество – в энергию; переходы от одной формы вещества к другой отражают круговорот космической энергии. Поэтому Лихтенберг легко возвращает себе потерянную часть его энергетики, съедая крысу: „Лихтенберг съел маленького зверя вплоть до его шерсти и уснул с удовлетворением своего возвращенного имущества“ (МВ, 304). Свое собственное „туловище“ он воспринимает как простое „мясо“, которое может

⁸ Далее в тексте как МВ.

быть лишь пищей для другого, отрубая себе ногу для того, чтобы сварить суп для голодной женщины.⁹

Поскольку „вещество существования“, единое для представителей обоих полов, может принять любую форму, женское тело оказывается чистой условностью и может быть заменено на любое другое, например, ногу коня. В эпизоде ранения Дванов

сжал ногу коня обеими руками, нога превратилась в благоухающее живое тело той, которой он не знал и не узнает, но сейчас она стала ему нечаянно нужна. Дванов понял тайну волос, сердце его поднялось к горлу, он вскрикнул в забвении своего освобождения и сразу почувствовал облегчающий удовлетворенный покой. Природа не упустила взять от Дванова то, зачем он был рожден в беспомощности матери: семя размножения, чтобы новые люди стали семейством. Шло предсмертное время – и в наваждении Дванов глубоко возобладал Соней. В свою последнюю пору, обнимая почву и коня, Дванов в первый раз узнал гулкую страсть жизни и нечаянно удивился ничтожеству мысли перед этой птицей бессмертия, коснувшейся его обветренным трепещущим крылом... (Ч, 105)

При этом в роли эротически воспринимаемого „вещества жизни“ может оказаться любой предмет: „Он вспомнил, что сегодня умрет, и обнял солому как живое тело“ (Ч, 108).

Если пищевое питание в условиях тотального вещественно-энергетического родства всего всему обращается в каннибализм, то любой сексуальный контакт по той же причине обращается в инцест. Безысходность и ужас сексуальных отношений – одна из самых горьких тем Платонова:

Опытными руками Дванов ласкал Феклу Степановну, словно заранее научившись. Наконец, руки его замерли в испуге и удивлении. – Чего ты? – близким шумным голосом прошептала Фекла Степановна. – Это у всех одинаковое. – Вы – сестры, – сказал Дванов с нежностью ясно-го воспоминания... (Ч, 126)

Герой Платонов переживает мужскую и женскую телесность как единое целое, становясь на точку зрения андрогина; он оказывается тотально эротическим существом, склонным к телесной любви, но полностью лишенным сексуального интереса. В *Чевенгуре* констатируется, что „с интересом можно говорить о сотворении мира и о незнакомых изделиях, но говорить о женщине, как и говорить о мужчинах, – непонятно и скучно“ (Ч, 35). Повествователь *Чевенгура*, аксиологически совпадающий с Захаром Павловичем, резко разделяет две формы жизни: 1) космическое вечное существование с

⁹ Ср. последнюю стадию отчуждения сознания от собственного тела: „Рубить было трудно, [...] говядина не поддавалась“ (МВ, 311).

переходами в иные состояния и полной отработкой всего отпущенного при рождении жизненного урока – „серьезное существование“; и 2) увлеченное удовлетворение своих телесных потребностей, определяемых несовершенной конструкцией тела – „игра в свое тело“. Попытка воспринимать человека как половое существо вызывает отвращение у героев-философов Платонова: „Затея и игра в свое тело, а не серьезное внешнее существование. Захар Павлович сроду не уважал таких разговоров“ (Ч, 35).

В пределах платоновской биосферы люди, растения и животные бытийно неотделимы друг от друга: „Люди и животные одни существа: среди животных есть морально даже более высокие существа чем люди“ (ЗК, 213). Фактически отвергая эволюционную теорию Дарвина, Платонов формулирует принцип, в соответствии с которым присутствие разных телесных видов во Вселенной определяется их функциональной необходимостью как той или иной формы „вещества“, плавно или резко меняющего свою природу, переходя из минерального – в животное, из животного – в растительное, и т.д. Налицо „не лестница эволюции, а смешение живых существ, общий конгломерат“ (ЗК, 213). Платонов отмечает: „Узник может превратиться не только в др<угого> человека, но и в черепаху, в кошку – в эти тоже людские существа. Черепаха на карачках – настоящий человек“ (ЗК, 154). Онтологическое равенство любых существ и предметов основано у Платонова на беспредельной и ничем не ограниченной способности тела к превращениям: „Высшая деятельность и низшая (в истинном смысле) суть одно и то же. Червь образовал чернозем, червь – низшее существо – равен высшему“ (ЗК, 219).

По мнению Платонова, животные и растения занимают лучшую, более точную бытийно-энергетическую позицию по отношению к Вселенной, чем человек. В произведениях писателя появляются животные, у которых начинает резко возрастать уровень их сознания, вплоть до образования интеллекта, близкого к человеческому. В повести *Котлован* встречаются „очеловеченные лошади“, которые сами стогуют сено; этот же мотив мы видим в записной книжке Платонова, где рассказывается, как лошади играют роль воспитателей по отношению к маленьким туркменским детям: „Они иногда пасут-сторожат детей вдаль от кибиток и не дают им уйти слишком далеко в пески. Заблудившихся пашенков – разыскивают среди барханов и пригоняют, как жеребят“ (ЗК, 146). По Платонову, животные и растения сравнительно с человеком – не низшие, но гораздо более свободные существа, правильно сохраняющие живую энергию Космоса. Тем самым они необходимы Вселенной: „Человечество – без облагораживания его животными и растениями – погибнет, оскудеет, впадет в злобу отчаяния, как одинокий в одиночестве“ (ЗК, 155). В записанном Платоновым в 1935 году разговоре животного с человеком животное упрекает человека в том, что он занят

совсем не тем, чем надо бы: „Эх ты, сукин сын, что делаешь!“ На предложение „перестраиваться“ в человека животное отвечает резким отказом: „Нет, ну тебя к черту...“ (ЗК, 159). Оспаривая гуманистический тезис „все для человека“, Платонов утверждает, что „самые благородные существа на свете – растения: они минерально нас обращают в живое: это сознающие. А плотоядные уничтожают себе подобных – здесь нет ничего нового, ничего не создается, а лишь подобное поддерживается подобным“ (ЗК, 255). Отсюда любимый сюжетобразующий мотив Платонова: „<слове>к уходящий от людей – люди все проще, потом он льнет к животным, к деревьям, к ветхим „мертвым“ предметам, и с ними делит свою душу“ (ЗК, 220).

Тем самым грань между человеком, животным и другими артефактами „вещества“ исчезает вместе с различиями между так называемым „живым“ и „мертвым“ веществом. Ничего абсолютно мертвого по Платонову в мироздании нет, и многие из его героев артикулируют эту мысль:

Самбикин был убежден, что жизнь есть лишь одна из редких особенностей вечно мертвой материи и эта особенность скрыта в самом прочном составе вещества, поэтому умершим нужно так же мало, чтобы ожить, как мало нужно было, чтобы они скончались. Более того, живое напряжение сменяемого смертью человека настолько велико, что большой бывает сильнее здорового, а мертвый жизнеспособней живущих. (СМ, 64)

Вместе с уверенностью, что вещество остается имманентно живым и вечным, исчезает страх смерти; человеческое тело оказывается временным, но необходимым сосудом для жизни. Поскольку физическая смерть есть лишь событие перехода части „вещества“ в новое состояние, она получает особый характер. Трагическое из смерти улечивается, как и гуманистическая концепция высочайшей ценности биологического существования человека. Мотивы поступков героев Платонова могут быть трактованы как циничные, если декодировать эти сцены несвойственным Платонову гуманистическим кодом. Герон-философы Платонова не испытывают никакого страха перед смертью и не жалеют (а иногда и не пытаются похоронить) умершего, тело которого естественным образом уходит в „вещество Земли“. Так, после смерти бобыля Захар Павлович не пытался похоронить умершего и оставил его лежать на земле: „Бобыль мокнул один в темноте ровно льющихся с неба потоков и тихо опухал“; утром, проходя мимо, на труп он даже „не посмотрел: мертвые невзрачны“ (Ч, 26-27).

Обладая беспредельной универсальностью и пластичностью, телесное вещество человека может не только формально и функционально изменяться, но и вступать в отношения синтеза или симбиоза с другими телами и/или вещами окружающего его мира. Пашинцев (*Чевенгур*), живя в открытой в

теле Земли норе, фактически обращается в жука, обретая своеобразный хитиновый покров – специально изобретенный им панцирь, защищающий его тело и делающий его похожим на большого насекомого:

Весь запакованный в латы и панцирь, в шлеме и с тяжким мечом, обутый в мощные металлические сапоги – с голенищами, сочлененными каждое из трех бронзовых труб, давившими траву до смерти. Лицо человека – особенно лоб и подбородок – было защищено отворотами каски, а сверх всего имелась опущенная решетка. Все вместе защищало воина от любых ударов противника. (Ч, 154)

Характерно, что Дванов определяет эту часть телесного существа Пашинцева как его „бессмертную одежду“ (Ч, 154). Человеческое тело может вступать в отношения симбиоза не только с одеждой (или „латами“), но и с продуктами промышленного производства, например, „баком с сахарного завода“, образуя новые существа с доселе неизвестными свойствами и жизненными функциями. Это существо, состоящее из поющей женщины и бака, самостоятельно двигается, „тихо поворачивается“, вползая на пригрок: „отчего двигался бак – неизвестно“, видимо, починяясь какой-то неизвестной чевенгурцам силе. Изнутри бака звучит песня о рыбке: „– То-то она рыбкой захотела быть, – догадался Чепурный. – Ей, стало быть, охота жить сначала! Скажи пожалуйста!“. Большевики сбрасывают бак в лог, однако там „котел поймали чьи-то живые руки и сохранили его“ (Ч, 275-278). В рассказе „Смерти нет! (Оборона Семидворья)“ солдаты думают о том, что с помощью силы сознания может быть образовано синтетическое тело, состоящее из тела человека и пули, пробившей его грудь. Уговаривая своего командира не умирать, старшина говорит: „Я командовать ротой нипочем не могу, а более некому. Да тело у вас прочное, – может, пуля и обживется внутри“ (Платонов 1986, 155). Единение человеческого тела и иных тел – постоянный мотив Платонова, и отношения эти обретают характер не столько технического взаимодействия, сколько органического срастания за счет того, что человек увеличивает жизненный потенциал вещи, вкладывая в нее свою энергию: „Летчик в воздухе один с машиной, как монах, как святой техники“ (ЗК, 155).

Антропологическая перспектива Платонова заключается в собирании из „веществ“ некоего идеального тела, полностью адекватного мировому Сверхсознанию, по словам А.Бергсона, „пробегающему через материю“. В „Обороне Семидворья“ Платонов замечает, что

все вещества в раздельности существовали в природе, но из них можно было собрать и соединить любое нужное тело; равно и истина находилась сейчас где-то вблизи Агеева, в видимом мире, но она находилась в рассеянии и без пользы для человека, командиру же нужно

было собрать эту истину в одно свое сознание, чтобы понять, как нужно одолеть противника. (Платонов 1986, 129)

Речь здесь идет, конечно, не только о военном противнике, но более всего – об энтропии и смерти, главных врагах человечества по Платонову.

Границы тела

Писатель отрицал разделение плоти и духа, считая их лишь приемами, с помощью которых наш разум осваивает единое и вечное „вещество существования“. Об этой неразрывной связности тела и духа человека Платонов думал еще в юности. В 1921 году он сделал набросок о двух людях, которые после смерти явились на Суд Божий. При жизни один из них заботился о своем теле, другой о духе, и оба умерли. Бог советует им преодолеть эту ограниченность: „Если бы вы постигли, что дух и плоть одно, – оба были бы вечно живы и радостны радостью Моей“ (ЗК, 19). В черновой редакции *Котлована* один из героев замечает: „Я предчувствую свои корни в середине целой земли и потому вижу свое право иметь весь мир как свое тело“ (Платонов 1995, 97). По мнению писателя, человек, который понял это, обязан „начать жить сначала“ (ЗК, 19).

Особое качество пребывающего в теле человека „вещества жизни“ – это склонность к постоянным мутациям и переформированиям. Изменение внешней формы и функционально-органической природы тела связано с наличной в данном участке „вещества“ гаммой энергий. Эту зависимость тела от внешних условий писатель определил как „переменную душу – от погоды, природы, от ветров и потоков“ (ЗК, 124). Пластичность человеческого тела Платонов сравнивает с изменчивостью морской волны: „Человек устроен по настроению, как волна морская“ (ЗК, 110). Этот процесс может протекать плавно или быстро, а в некоторых случаях человек может обратиться в животное почти молниеносно: „В одном месте Стратилат, изменившись туловищем, проехал без билета в поезде принятый за скотину“ (ЗК, 110). Повышение „вещественности“ человеческого тела ведет к потере „энергетичности“. Свойства личной энергетики человека образуют особую субстанционально-энергетическую среду, которая определяется точкой зрения на нее мыслящего сознания, человека: „Все предметы стали вдруг подобиями, искажениями меня, все они, значит, обратили на меня внимание и угрюмо усмехнулись на меня своим лицом и положением“ (ЗК, 150).

С одной стороны, человек принципиально родственен растениям, животным и минералам, с другой – его телесная форма обеспечивается отнюдь не только принадлежностью к определенному биологическому виду, но тем, как сложились условия возникновения и роста того сокровенного бытийного эмбриона, который скрыт в „веществе существования“ и вырастает в

то или иное существо или предмет. Писатель объясняет этим мотивом форму непосредственно возникающего из „вещества“ человеческого тела в *Чевенгуре*:

Каждый [...] сделал из себя человека личными силами, окруженный неистовством имущих людей и смертью бедности, – это были сплошь самодельные люди; неувидительна трава на лугу, где ее много и она живет плотной самозащитой и место под нею влажное – так можно выжить и вырасти без особой страсти и надобности: но странно и редко, когда в голую глину или в странствующий песок падают семена из безымянного бурьяна, движимого бурей, и те семена дают следующую жизнь – одинокую, окруженную пустыми странами света и способную находить питание в минералах. (Ч, 290)

Граница существа в мире Платонова определяется степенью концентрации его телесности на поверхности формы. В романе *Чевенгур* женщина, сжавшаяся под шинелью своим „голым телом“, понимает его как „жизнь“, как „средство к жизни“, как „единственную и несбывшуюся надежду“, однако „ничто из него ей не удавалось приобрести, даже одежды для теплоты“ (Ч, 391). Цивилизованный человек Нового времени актуализирует границу, отделяющую его тело от всего остального. Противоположная модель, при которой редуцирована граница между телом человека и остальным телом Вселенной, лишает смысла понятие „грязи“: любой контакт тела и окружающего вещества имеет положительный смысл. Путешествуя по Средней Азии, писатель пометил в своей „книжке“: „Туркменка, это – ни в носу не ковыряет, ни соплей не чувствует, ни грязи своей, – это другое соотношение с природой, другое совсем самоощущение, чем у нас“ (ЗК, 143). В любом случае, жестко отделяя свою телесность от субстанции или отождествляя себя со всем „веществом существования“, платоновский герой оказывается в окружении других тел, которые, как и он, состоят из имманентно живого „вещества“ и являются равными ему онтологическими единицами, способными вступать с ним в диалог и телесное взаимодействие. Человек, понятый как „отношение“ или „автономная часть“, отвергается Платоновым. Он пишет: „Человек есть и само вещество [...] и только отсюда, что человек – само вещество, а не только отношение, и можно вывести великое, генеральное следствие, что для человека еще открыта дверь в последний тайник природы...“ (ЗК, 79)

Цивилизация, ставшая основной формой жизни человечества в XX веке, по мнению писателя, есть грубая ошибка, ведущая к ущербности положения человека и принципиальной изувеченности его тела. Основная причина телесной неудовлетворительности homo sapiens заключается в том, что тело живет „лишь однажды“, уродуясь нелепыми условиями жизни и органическими перекосами, вызванными профессиональной деятельностью. Симво-

лическим выражением пути европейской Новой истории в *Чевенгуре* является движение мальчика Прошки по прямой линии железной дороги, за горизонт:

Прошка уходил все дальше, и все жалостней становилось его мелкое тело в окружении улегшейся огромной природы. Прошка шел пешком по железной дороге – по ней ездили другие; она его не касалась и не помогала ему. [...] Прошка пропал на закруглении линии – один, маленький и без всякой защиты. (Ч, 61)

На этом пути создаются беспорядочные горы предметов, которые, в сущности, не нужны человеку, образуя мусор и прах. Думая о будущем человечества, Платонов опасался, что „население все погибнет от экономически безрезультатного труда, а горы продуктов, одежды, машин и снарядов останутся на месте человечества, вместо могильного холма и памятника“ (ЗК, 103-104); по его мнению, задачей цивилизации оказывается построить „всемирный> склад хлама, где есть все, что нужно для любого“ (ЗК, 152). Писатель размышлял о новых формах бытия разума на планете, где может быть преодолено смертно-ограниченное состояние „вещества жизни“. Это преодоление животного-пищевого состояния человека Платонов называл „коммунизмом“, разумеется, не имеющего ничего общего с концепцией К. Маркса:

Стратилат делал коммунизм, а сделал другой мир [...], другой мир истории, другую категорию, которая могла объективно выйти, выйти из развороченных форм прошлого [...] нечто исторически-прекраснее, неожиданнее, неизвестнее и действительно необходимое и простое. (ЗК, 110)

Платонова и его героев не устраивала наличная форма человеческого тела и известный набор несовершенных функций *homo sapiens*. На раннем этапе работы над *Котлованом* писатель сделал запись, лежащую в основании его критики „пищевой истории человечества“: „Красные губы жрущие мясо“ (ЗК, 40). Согласно идее Платонова, человек в Новой истории „меняет тело“ „на пустяк пищи“ (Ч, 211). Сосредоточенный на пище *homo sapiens* Новой истории Европы описан Платоновым как вызывающая сожаление „великая глотка под пустяковой головой“ (ЗК, 115); писатель даже вынашивал замысел сказки под названием „Думающий желудком“ (ЗК, 262). Напротив, герои-философы писателя игнорируют вопрос о здоровой и питательной пище, стараются питаться максимально скромно (строители *Котлована*), отбросами (Лихтенберг в „Мусорном ветре“) или даже непосредственно землей (Бог в *Чевенгуре*). Народ джан принимает пищу точно так же, как строители Котлована, „без жадности, осторожно сберегая пищу

у рта, с сознанием необходимости и с кроткой задумчивостью, точно представляя в своем воображении лица и душу тех людей, которые тяжело добыли эту пищу и подарили им ее“ (Д, 533-534). Мысль об энергетической убыточности человеческого бытия, в процессе которого человек тратит большие силы на потребление и усвоение пищи, многократно повторяется в произведениях писателя. В *Чевенгуре* описываются женщины, которые „меняли свое тело, свое место возраста и расцвета на пищу, и так как добыча пищи для них была всегда убыточной, то тело истратилось прежде смерти“ (Ч, 390). С другой стороны, такого рода энергетическое преступление, совершаемое человеком, оказывается возможным за счет безмолвных жертв со стороны живой природы, как в рассказе „По небу полуночи“: „Рожь и деревья живут серьезно и по своей необходимости, и им нет дела до того, что люди истребляют их плоды и их тело на то, чтобы жить за чужой, за их счет“ (Платонов 1986, 167).

Из идеи беспредельной пластичности человеческого тела вытекает и представление о телесной красоте, свойственное антропологии Платонова. Форма и биологические качества человеческого тела зависят от внешних условий существования, в свою очередь, создаваемых другими живыми существами, населяющими Землю. Писатель отмечает:

Красота есть обратное понятие. Кто некрасив, тот более намучен социальным неустройством. Кто красив, те избежал<и> неустройства. Но через некрасоту можно достигнуть высшей красоты. А некрасота, это преходящее состояние человека, когда он в мучительности. (ЗК, 99)

Эти слова можно считать комментарием к описанию внешности Веры в *Джане*. Повествователь *Джана* постоянно подчеркивает эту взаимосвязь – „таинственное воодушевление“ Веры оказывается „скрыто в ее живом веществе“, в то время как вопрос о внешней красоте в условиях приятия „доброе“ и „сильного“ существа полностью снимается – „ему даже стыдно было думать о том, красива она или нет“ (Д, 452).

Сравнительный анализ формы тела человека и других живых существ – представителей фауны и флоры, которым систематически занимаются платоновские герои – приводит их к парадоксальным результатам:

- На кого похож человек – на коня или на дерево: объявите мне по совести? – спрашивал он в ревком, тоскуя от коротких уличных дорог.
- На высшее! – выдумал Прокофий.
- На открытый океан, дорогой товарищ, и на гармонию схем! [...]
- А, пожалуй, на коня человек больше схож, – заявил Чепурный, вспоминая знакомых лошадей.

– Понимаю, – продолжая чувства Чепурного, сказал Прокофий. – У коня есть грудь с сердцем и благородное лицо с глазами, но у дерева того нет! (Ч, 224)

Герои писателя не только сравнивают форму человеческого тела с другими известными им формами, но и пытаются найти ему онтологическое объяснение. Поскольку человеческое тело в первую очередь кусок „вещества“ и лишь во-вторых – биологический организм, то форма человеческого тела трактуется чевенгурцами не во втором, а в первом смысле, как прямое выражение онтологических свойств „вещества“, из которого оно состоит. Наглядная антропология, предлагаемая ими, оперирует формой человеческого тела как символом, не случайным, но глубоко оправданным:

Чепурный брал в руки звезду и сразу видел, что она – это человек, который раскинул свои руки и ноги, чтобы обнять другого человека, а вовсе не сухие материки. Прочий не знал, зачем человеку обниматься. И тогда Чепурный ясно говорил, что человек здесь не виноват, просто у него тело устроено для объятий, иначе руки и ноги некуда деть. “Крест – тоже человек, – вспоминал прочий, – но отчего он на одной ноге, у человека же две?” Чепурный и про это догадывался: “Раньше люди одними руками хотели друг друга удерживать, а потом не удержали – и ноги расцепили и приготовили”. Прочий этим довольствовался. “Так похоже, – говорил он и уходил жить”. (Ч, 319)

Тела, из которых состоит „вещество жизни“, равноценны, независимо от их формы, размеров и энергетических параметров. Человек – часть „вещества“, принявшего такую форму, которая соответствует его энергетической наполненности. Поэтому совершенно не существенен ни пол человека, ни его легко меняющаяся внешность, ни возраст. Удаляясь от просветительского гуманизма, Платонов утверждает относительность временного состояния человека, ложного без всяких условий и поправок. Здесь Платонов проявляет точность и бескомпромиссность мышления, „додумывая“, по выражению Достоевского, свою мысль до конца. Для Платонова нет мужчин и женщин, нет богатых и бедных, нет знаменитых или забытых, нет старых и молодых: „В сущности нет ни детей, ни взрослых – есть одинаковые люди. Взрослый ни дороже, ни дешевле ребенка“ (ЗК, 21). В человеке есть вечное начало – это его память и энергетика мысли-любви, основа его вечного существа, следовательно – неуничтожимого Бытия. Человек не может навсегда исчезнуть потому, что в нем заключена любовь, с ее прямой энергетической подпиткой со стороны вечной Вселенной: „Ведь ясно, душа не стареет в человеке, только тело ветшает, а ‘она’ все та же“ (ЗК, 123). Разложение тела человека после смерти Платонов сравнивает с пролитием дождя из большой тучи, которая тем самым исчезает. Однако возможен и

обратный процесс, который в *Чевенгуре* описывается так: „Дождь, не отдохнув, снова вставал на ноги, разбуженный щекочущей теплотой, и собирал свое тело в облака“ (Ч, 26-27).

Отсюда образуется антиномия „тело“/„туловище“, свойственная поэтическому языку Платонова. Тема защиты человека от своей слабой плоти – „туловища“ – связана с вопросом о тождественности человека своему телу. Нетождественность понимается здесь как неверная конфигурация биологически-вещественного устройства человека, который онтологически шире жизненных возможностей своего тела. Мысль Платонова о том, что он „уродлив“ как существо, проделывающее банальный путь „до гроба“,¹⁰ следует понимать не как констатацию врожденных телесных недостатков (которых, собственно, и не было), а как декларацию принципа безразличия писателя-философа к форме своего тела, заведомо ложной и выражающей собой неполноценного, смертного человека. Действительная жизнь человека в условиях Новой истории оказывается формой телесной инвалидности. Homo sapiens оторван от своих насущных жизненных задач, от своей космической функции, и потому выглядит как умирающее и потребляющее пищу „туловище“, потерявшее всяческие ориентиры. Персонаж из *Котлована* Жачев, квалифицирующий себя как „полутело“, символизирует собой последствия пищевой и сексуальной Новой истории. В своей записной книжке Платонов подчеркивает: „Жизнь суть туловище“ (ЗК, 225).

Смертность человека также обозначена наличием у него слабого и никчемного „туловища“, которое мешает правильному движению по жизни „тела“, связанного с его космической функцией энергетического „соединения“. Больной Яков Титыч видит, „что сейчас, когда ему так скучно и больно, его туловище лежит одиноким на полу и люди стоят близ него – каждый со своим туловищем, и никто не знает, куда направить свое тело [...] туловища живут отдельно – и беспомощно поражаются мучением, в этом месте люди нисколько не соединены...“ (Ч, 346). В своем дневнике другой герой *Чевенгура* Сербинов записывает по этому поводу „мысли и проклятья“ следующего рода: „Человек – это не смысл, а тело, полное страстных сухожилий, ущелий с кровью, холмов, отверстий, наслаждений и забвения; ‘странен бых, но смирился зело: означает – странен бык, но смирился козой’“ (Ч, 336). Гибель человеческого „туловища“ в результате отрыва от „вещества“ в угоду беспочвенному умозрению изображена на картине в комнате Веры (*Джан*). Герой, ищущий свободы и истины, не желая взглянуть под ноги, в самом „веществе жизни“, выходит за его пределы – „встал на землю, пробил головой отверстие и высунулся до плеч

¹⁰ Следует упомянуть, что сам Платонов представлял себе свою жизнь как „путь до гроба“: „Я негармоничен и уродлив – но так и дойду до гроба, безо всякой измены себе“ (Платонов 1975, 173).

по ту сторону неба“ (Д, 453). Тем самым он „забыл свое остальное тело“ – настоящий носитель его смысла, и потому „туловище человека [...] умерло“ (Д, 453).

Согласно этой логике, человек должен нажить полное энергии „тело“, преодолевая истощение плоти и гибельность своего „туловища“. Путь, обратный смерти, оказывается возможен, потому что скелет человека или даже целого народа способен снова обрасти плотью и вернуться к биологической жизни – из любой степени тления, из любого варианта исходных материалов. Тело человека, согласно нормам платоновского кода – сосуд для точки сознания, которое должно претворяться в энергичное действие, направленное на борьбу с энтропией. Символом единения мертвых и живых, которые „тоже люди“, Платонову представлялись „бабочки, окружающие роem трупы погибших бабочек и не расстающиеся с ними“ (ЗК, 247). В отчете об умирающем от истощения народе „джан“ Чагатаев пишет, что „каждому здешнему человеку нужно вновь нажить себе прожитое почти до внутренних костей, истощившееся тело, в котором слишком слабо сейчас действуют чувство и сознательная мысль“ (Д, 533). И это рецепт не только для сородичей Чагатаева, но и для всего человечества, по мнению писателя, способного эволюционировать от состояния сексуально-пищевого „туловища“ к более высокому онтологическому статусу – носителя сознания „вещества существования“.

Энергия бытия

Антропология Платонова открывается в специфическом наборе из трех пунктов: это обладающая бесконечной способностью к мутации живая субстанция мироздания, текущее мгновение биологической жизни носителя точки сознания – человека, и природа, являющаяся ему в виде набора тел и предметов, как правило, энергетически истощенных и/или умерших. Основа энергетического состояния человека – это его мысль, оказывающаяся, по Платонову, специфическим источником питания и телесной формы.

В результате давления энтропии и жизни на грани истощения пластичный платоновский человек может менять фенотип и расовые признаки в любом направлении. Так, изменение национальности оказалось естественным для русского „пролетариата“, найденного на кургане большевиками из Чевенгура: „Кажущаяся немощ прочих была равнодушием их силы, а слишком большой труд и мучение жизни сделало их лица нерусскими. Это Чепурный заметил первым из чевенгурцев“ (Ч, 292). Описание человека, исчерпавшего свои биолого-социальные ресурсы, сопровождается у Платонова указанием на жизнь в земле (герои *Котлована*, *Чевенгура* и др.), на преодоление в нем несвободы и социальной детерминанты; тела этих персонажей

меняются, плоть перерождается во что-то иное. Таково описание старика-отшельника из повести *Джан*. Жизнь в пещере и одновременно характерными органическими изменениями строения его тела подчеркивается полная исчерпанность всех трех составляющих его жизненной основы:

Он ночевал в землянке, вырытой в сухом спуске холма. [...] Древняя старость и убожество сделали его мало похожим на человека. Он прожил давно человеческий век, все чувства его удовлетворились, а ум изучил и запомнил местную природу с точностью исчерпанной истины. Даже звезды [...] он знал наизусть по привычке, и они ему надоели. (Д, 470)

Возможен и обратный ход: не только человек превращается в любое животное, растение или минерал, но и любое животное, растение или минерал – потенциальный (существенный) человек.

Онтологическая позиция человека определяет его физико-энергетический статус до и после смерти, и при изменении позиции меняется и статус. Вещество, из которого состоит человеческое тело или предметы окружающего мира, может быть только „живым“ („одушевленным“), отливаясь по мере возможности в живые организмы, форма и биологические качества которых зависят от внешних условий их существования, в свою очередь, создаваемых другими живыми существами, населяющими Землю. Поэтому потеря материального самоощущения, неспособность ощутить себя „предметом“ выражает способность героя Платонова видеть Космос не как внешнее по отношению к себе явление, но как целое, частью которого является он сам. Это может вызывать резкие изменения в параметрах человеческого тела – как, например, у чевенгурских странников:

– Вы куда? – спросил тихо бредущих Шумилин.

– Мы-то? – произнес один старик, начавший от безнадежности жизни уменьшаться в росте. – Мы куда попало идем, где нас окоротят. Поверни нас, мы назад пойдем.

– Тогда идите лучше вперед, – сказал им Шумилин; в кабинете он вспомнил про одно чтение научной книги, что от скорости сила тяготения, вес тела и жизни уменьшается, стало быть, оттого люди в несчастье стараются двигаться. (Ч, 93)

Энергетика тела первична, внешняя форма – вторична, будучи полностью детерминирована присущим ей наличным запасом и гаммой энергий. Платонова интересовало не только то, что думает человек о „веществе жизни“, но и то, что „вещество жизни“ думает о человеке, чего оно от него хочет. С этой точки зрения, человек – это преобразуемое вещество, еще далеко не достигшее предела своего предназначения, лишь прообраз

будущего „Второго Ивана“ („Нового Адама“): „Немощно устроенное существо – не более как смутный зародыш и проект чего-то более действительного, и сколько надо еще работать, чтобы развернуть из этого зародыша летящий, высший образ, погребенный в нашей мечте...“ (СМ, 28). В „Реке Потудань“ герой лепит из глины фантастическую композицию, наглядно иллюстрирующую эту мысль: возникает фигура

в виде горы с выросшей из нее головой животного или корневища дерева, причем корень был как бы обыкновенный, но столь запутанный, непроходимый, впившийся одним своим отростком в другой, грызущий и мучающий сам себя, что от долгого наблюдения этого корня хотелось спать. (СС, 2, 197)

Истошение энергии вещества, из которого состоит человек, приводит к необратимому движению в сторону животного, и оно носит катастрофический характер. Парадоксальным образом в таких случаях телесной редукции сознание человека обостряется, что у Платонова наблюдается во многих случаях, например в „Маркуне“: „Все тело тряпкой висело на костях. Но голова была ясна и просила работы. В нем всегда горела энергия“ (СС, 1, 25). Раненый солдат дремал, „больное тело его отдыхало, но в сознании его непрерывно шел тихий поток мысли и воображения“ (Платонов 1986, 54). Пребывание в состоянии глубокого энергетического истощения сказывается в ощущении себя „прахом“, потере чувствительности к боли и возможности видеть себя „со стороны“. „Мы ничего теперь не чуем, в нас один прах остался“, – говорят во время „колхозного апокалипсиса“ герои *Котлована* (Платонов 1988а, 198). Человеческое тело является частью всемирного „вещества жизни“, тем самым оказывается вечным и потому человеку не принадлежащим. Человеку принадлежит лишь определенная его органическая конструкция, дающая основания для свободного движения в мире. Чагатаев (*Джан*) воспринимает свое тело как чужое и наблюдает его как будто „со стороны“. Человеческое существо Лихтенберга („Мусорный ветер“) сжимается до размера его сознания, оставив „праху“ тело, которое, опровергая Декарта, герой воспринимает как постороннее вещество, находящееся вне сферы его реального бытия. Это чувство переживает и Сербинов, который ощущает свое тело как „второго и тоже жалкого человека“; Яков Титыч в *Чевенгуре* также „начал чувствовать свое тело, как постороннего, второго человека, с которым он скучает целых шестьдесят лет“ (Ч, 374).

Лихтенберг („Мусорный ветер“), по мере нарастания энтропии, обращается в нечто наподобие обезьяны, в то время как его разум оказывается все более и более просвещенным и ясным: „По телу его [...] пошла сплошная темная зараза, похожая на волчанку, а поверх ее выросла густая шерсть и

все покрыла“ (МВ, 303), и полицейский квалифицирует его как „перво-бытного человека заросшего шерстью, [...] скорее всего это большая обезьяна, кем-то изувеченная“ (МВ, 312). Погибает Лихтенберг от того, что „его тело уже истрачено“ (МВ, 304). Изменением формы своего тела герой рассказа указывает на вектор истории, подчиняющейся разрушительной энтропии. Дальнейший путь телесной деградации Homo sapiens – к „курам“ и простейшим червям. На это намекают и сами нацисты: „Лихтенберга на работу не посылали, потому что он мог лишь ползти по земле“ (МВ, 306). Схожее явление наблюдается и в других произведениях Платонова. Мальчик в *Чевенгуре* от слабости и болезни обрастает шерстью и быстро стареет (см. Ч, 308). Главный герой *Котлована* не отдает себе отчета в своей внешности, но выглядит он страшно и пугает всех, с кем встречается – священника, Емелю, бабу у церкви: „По траве шла было баба к церкви, выправляя позади себя помятую лебеду, но, увидев Чиклина, обомлела на месте и от испуга протянула ему пятак за свечку“ ((Платонов 1988а, 192). Этот принцип Платонов суммировал в своей записной книжке в лозунге: „Да здравствуют безымянные „ублюдки“ и всякие „отбросы!“ человечества!“ (ЗК, 147)

Герой Платонова – „физик космических пространств“, существо, сохраняющее сознание при любом состоянии своего тела. Повествователь „Мусорного ветра“ подчеркивает, что „до гроба, навсегда он останется человеком“. Меняется не только телесная форма, но и видение мира, который теперь воспринимается не на наглядно-бытовом, а на онтолого-энергетическом уровне. Поэтому вместо женщины можно увидеть злое животное, как жалкий плод катастрофически нарастающей энтропии, разложения и смерти: „Пух на ее щеках превратился в шерсть, [...] она произносила над его лицом возгласы своего мертвого безумия. [...] она была покрыта одичалыми волдырями от неопрятности зверя“ (МВ, 296). Плоть отделяется от сознания человека и начинает субстанционально и онтологически совпадать со всем наличным „веществом существования“; потерявшее свое сознание и забывшее „свой вес“ тело начинает жить своей животной жизнью, человек обретает зооморфные черты. Таков „медведь-кузнец“ в *Котловане*, Зельда из „Мусорного ветра“, Лихтенберг, постепенно обрастающий шерстью по мере окончательного истощения энергетических ресурсов „вещества мироздания“, из которого состоит его тело. Герой „Сокровенного человека“ Фома Пухов от грустного отчаянья и заброшенности обрастает шерстью и телесно совпадает с обезьяной: „запаршивел, оброс шерстью и забыл, откуда и куда ехал и кто он такой“ (Платонов 1999, 63). Особенность ситуации, в которую попадают Чиклин, Пухов или Лихтенберг, в том, что при предельном истощении вещества, из которого состоят их организмы, оказывается не затронут мозг – напротив, он получает высшее развитие:

„Пусть голод томит его желудок до самого сердца – он не пойдет выше горла, и жизнь его спрячется в пещеру головы“ (Платонов 1999, 63).

Параллельно Лихтенбергу и Маркуну, сохранившим в своем существе мысль и скудеющее, вплоть до превращения в животное, тело, возникает старуха из „Родины электричества“, в которой от скорби бытия в условиях все той апокалиптической жары погибающего мира остались те же две формы – „разум“ и гибнущее тело: „Разум! – произнесла старуха с ясным сознанием. – Да я столько годов прожила, что у меня разум да кости – только всего и есть!“ (Платонов 1982, 226). Так же как Лихтенберг, Маркун и строители *Котлована*, она спустила в материал мироздания свою жизненную силу, оставаясь с ясной мыслью и полностью истощенной плотью: „А плоть давно вся в работу да в заботу спущена – во мне и умереть-то мало чему осталось, все уж померло помаленьку“ (Платонов 1982, 226). Согласно развиваемой здесь антропологической модели, форма человеческого тела и все его известные физиолого-анатомические свойства – прямое выражение взаимообусловленности энергетического состояния Вселенной и соответствующего положения человека в мироздании: „Утром собака, как нищенка, испуганно пришла в помойное место. Лихтенберг сразу понял, увидев эту собаку, что она – бывший человек, доведенный горем и нуждою до бессмысленности животного“ (МВ, 304).

Поскольку „вещество существования“ – имманентно живое, оно сокровенно хранит в своей структуре самопорождающийся механизм, способный бесконечно генерировать новые формы, ограниченные лишь наличным количеством и гаммой присущих ему энергий. Персонаж „Города Градова“ формулирует: „Дело ведь просто: солнце начинает нагревать навоз, сначала вонь идет, а потом оттуда трава вырастает. Так вся жизнь на земле произошла“ (Платонов 1982, 195). При этом особенный акцент делается на том, что и самому человеку возможно произвести такую энергию, при которой вещество сможет оказаться в состоянии энергетического подъема: „Ежели ты навоз, допустим, на загнетку положишь, а печку затопишь, чтоб тепло и свет шли, то, по-вашему, вырастет трава из навоза аль нет? – Ну да, вырастет!“ (Платонов 1982, 195). Из этой логики ясно, что страх смерти неоснователен. Платонов записывает: „Чего ты боишься смерти, так ты уже был мертв: мы до рождения были все мертвы“ (ЗК, 77). Смерть и жизнь обратимы, как обратимо движение тела по оси „вещество-энергия“ с образованием бесконечного разнообразия форм. В 1931 году Платонов делает запись в своей „книжке“: „Череватов несколько раз умирал, но оживал“ (ЗК, 72). Проблема не в том, что человек может умереть, – он просто не может почувствовать себя окончательно живым (ЗК, 78).

Однако попытка эксплуатировать свою жизнь в неестественной форме (например, жить тогда, когда жизненные ресурсы уже исчерпаны и телесное

вещество человека, подчиняясь логике мировой истории, должно перейти в новое, земельное состояние) может сформировать из человеческого лица не вызывающую симпатии неприглядную маску. Потеря энергетики человеком приводит его к деградации, искажая и меняя его лик. У трясушейся от любви к сыну старухи Гюльчатой лицо „стало хищным и злобным“, и эти изменения произошли, по мнению повествователя *Джана*, из-за „постоянной печали или от напряжения удерживать себя живой, когда жить не нужно и нечем“ (Д, 479). Как биологическое существование, сама по себе жизнь человеческого тела не имеет в глазах героев Платонова никакой ценности: они приобрели высшую мудрость понимания неискоренимой жизненности самого „вещества существования“, из которого состоит тело человека. На упрек жены, что, дескать, наступила голодная пора, герой *Чевенгура* отвечает: „Ну и померем, только и делов, – ответил без сочувствия Захар Павлович. Для него весь житейский обиход потерял важное значение“ (Ч, 69). Формулируя в записной книжке мировосприятие солдата, находящегося на войне, Платонов определяет его как „экстремально живущ<его> человек<a>“: „Он быстро должен управиться, пережить все радости, все наслаждения, все привязанности“; при этом „нежность его к вещам, внимание к мелочам [...] тоже вырастает: он внимателен и к кошке, и к воробью, и к сверчку, etc“ (ЗК, 244). Герои Платонова сосредоточены на том, чтобы свою жизненную энергию потратить на дело, как они его понимают. В случае, если жизненные ресурсы истрачены, перспективы утеряны, они легко сменяют свою биологическую форму существования на минеральную – мертвый понимается ими как слабый, забытый человек: в *Чевенгуре* Саша Дванов

оглядел все неизменное, смолкшее озеро [...] там есть тесное, неразлучное место Александру, где ожидают возвращения вечной дружбой той крови, которая однажды была разделена в теле отца для сына. Дванов понудил Пролетарскую Силу войти в воду по грудь и, не прощаясь с ней, продолжая свою жизнь, сам сошел с седла в воду – в поисках той дороги, по которой когда-то прошел отец в любопытстве смерти. (Ч, 411)

Человек Нового времени переполнен вещественностью и не осознает корней проблемы – отсутствия у него онтологической „пустоты“. Эта специфическая „пустота“ является основной добродетелью человека; не случайно Фома Пухов („Сокровенные люди“) называет себя „человеком облегченного типа“. Гениальность Шаляпина Платонов связывал с наличием у него именно этого свойства – готовности к принятию другого (Вечного, трансцендентального): „Шаляпин не имел своего голоса: он входил в характер роли и пел по ее существу. Странно, но необходимо, что в мире

существуют „пустоты“ для вмещения всего без субъективных помех“ (ЗК, 145). Одно из самых точных, прямых высказываний Платонова на этот счет содержится в рассказе „Одухотворенные люди“:

Тело их наполнилось силой, они почувствовали себя способными к большому труду, и они поняли, что родились на свет не для того, чтобы истратить, уничтожить свою жизнь в пустом наслаждении ею, но для того, чтобы отдать ее обратно правде, земле и народу, отдать больше, чем они получили от рождения, чтобы увеличился смысл существования людей. (СС, 3, 31)

В своей записной книжке Платонов комментирует это свойство как своего рода „чистый лист бумаги“, готовый принять рукопись или потенциальную способность тела к преобразению: „Человек, не верящий ни во что, никак, пустой, – исполняющий поэтому наилучшим образом любое высшее предначертание: такой тип только и нужен“ (ЗК, 109). Право быть пустым – то есть нищим, отдавшим свое богатство другим людям и всему „веществу существования“ – является основой формирования системы персонажей Платонова. Пустота как готовность быть приемником живой энергии Космоса, любви-мысли, связана со свободой; с другой стороны – реализация свободы заключена в передаче другому ответственности за себя. Таким образом любить – значит принимать энергию, вырабатывать мысль-любовь, передавать ее другому, освобождаться от нее во имя возникновения нового состояния „пустоты“, готовности для очередного акта принятия-выработки энергии жизни. Таким образом, любить для человека легче и естественнее, чем быть любимым и только пассивно принимать любовь, это последнее может быть описано как энергетическое рабство: „Любовь, это перекаldывание ответственности на другого, а самому – право быть пустым“ (ЗК, 157). Однако примеров такого рода энергетического подвижничества в Новой истории немного.

Преображенный человек

В своих статьях начала 1920-х гг. Платонов поставил вопрос о необходимости нового Мессии как идеального телесного воплощения „вещества существования“, „нового Пушкина“, возможная трагическая гибель которого в условиях апокалипсиса пищевой истории Европы описана в „Мусорном ветре“ (Лихтенберг), *Чевенгуре* (Дванов) и других произведениях. В статье „Пушкин и Горький“ Платонов писал: „Сейчас есть смертная нужда, чтобы в мире появилась поэтическая, вдохновляющая, оживляющая сила, равноценная Пушкину – и даже превосходящая его, потому что слишком велико всемирное бедствие“ (Платонов 1980, 41). Идеальное существо „Будущего

Октябрь“ складывается, по Платонову, из двух основных свойств: 1) способности наращивать свой энергетический потенциал без нанесения урона остальным живым существам биосферы, 2) способности полезно опустошать себя энергетически, сознательно жертвуя жизненную энергию другим существам, при этом чем более они истощены, тем важнее жертва. Как впоследствии у всех героев-философов Платонова, тело Маркуна в одноименном рассказе „горело любовью, он худел и гас от восторга [...], и наполнил свою жизнь стыдливою жертвой и трудом для него“ (СС, 1, 29). Возникает вопрос о пути выработки этой энергии и способах обмена ею с другими существами. По мнению Платонова, поверхность любого тела, включая и тело человека – поле контакта для обмена энергией с остальными телами, составляющими Вселенную: „Ток всегда находится на поверхности тел, т.е. на гранях, у выхода через которые тело как <бы> выливает, смещает неприсущий его природе потенциал в пространство“ (ЗК, 18). Такого рода способность прямого обмена своей жизненной энергией с окружающими телами – основное свойство героя-философа Платонова.

В символике имени Первого Ивана в одноименном произведении содержится мысль о „первочеловеке“ будущего Золотого века – времени, когда личная энергетика отдельного человеческого существа по принципу „общающихся сосудов“ сольется с безбрежной энергией Космоса. Писатель считал, что это не может произойти только с помощью направленного сознательного волевого усилия самого человека: это усилие должно опираться о землю и быть направлено в землю как первовещество мироздания, из которого все рождается, все состоит и в которую все превращается. При условии этой всемирной вещественно-энергетической интеграции человека его мыслительная и творческая деятельность будет проходить по принципу „совокупного, образующего творчества“ (Платонов 1990а, 271), в унисон со всей творящейся Вселенной. В рамках этой новой идеи о грядущем преобразении мироздания в 1926 году Платонов начал очерк с прозрачным названием „Питомник нового человека“, где обнаруживаются мотивы, которые открывают новое понимание повестей конца 1920-х – начала 1930-х гг.:

Между социологией и естествознанием в голове человека и в живой действительности произошел разрыв [...]. Вышло, что человек, трудясь над переделкой мира, забывал параллельно переделывать себя. Поэтому великое естествознание шло человеку не в пользу и в спасение, а в погибель. Пример тому: война 1914 года. Завет [...] об одновременной работе над миром и над собой – был забыт. (Платонов 1999а)

Согласно идее, высказанной в „Родине электричества“, Новый человек, преодолевший временность и ограниченность своего бытия, должен „гос-

подствовать над своим телом и надо всеми мучающими силами природы; магическое напряжение гения непрерывно радует его сердце, верующее в могучую долю пролетарского человечества“, поскольку герой, который спасает землю от гибели, исполняет „жизненную задачу“ (Платонов 1982, 236-237).

Ясно, что физиолого-органическая природа такого преображенного существа должна соответствовать его новому вселенскому статусу, а тело, обладающее скудным набором из пяти органов чувств, получает новые возможности для прямого и ясного контакта с „веществом-энергией“. Пока же человек не знает всех видов энергии, реально существующих в мироздании, у него нет органов, способных их зафиксировать, даже с помощью специальных приборов, лишь улучшающих видение того ограниченного и узкого гносеологического пучка, который мы называем „наукой“. Платонов считал, что в мироздании существует одна единая и универсальная энергия, которая „проявляется одновременно во всех своих формах“, однако в силу телесного несовершенства мы видим лишь одну ее форму и имеем дело с „ложью наших чувств“ (ЗК, 19). Порядок чувственного восприятия телом человека форм энергии, по Платонову, выглядит так: „зрение предмета, могущего быть источником энергии“, „звук (движение, колебание предмета в среде и раздражение этой среды от трения об нее колеблющегося предмета)“, „электрический ток“, „теплота“, „свет и др. неизвестные нам энергии за отсутствием у них воспринимающих органов чувств“ (ЗК, 18-19). Структура мироздания у Платонова, какой мы ее видим в хронотопах его произведений и в записных книжках, следующая: Вселенная состоит из „вещества-энергии“ (бесконечных колебаний между этими двумя состояниями), причем каждое явление представляет собой конгломерат „вещества“, сгусток „энергии“.

В каждом явлении вселенной мы имеем налицо все формы энергии (в сущности, единую), но воспринимаем эти формы соответственно устройству своих органов чувств и поэтому воспринимаем явление то как звук, то как цвет, то как раздражение (ток) [...]. В сущности, каждое явление представляет собой одновременно все формы энергии (известные нам и неизвестные) и только мы воспринимаем его в пределах своих чувств, в одной или нескольких формах. (ЗК, 18)

Изменение религиозно-философского статуса человека влечет за собой смену энергетического положения на Земле, а это, в свою очередь, обещает коренные перемены в ее органической структуре, вплоть до смены естественной биологической картины отношений живых существ в природе. Человек может потерять способность видеть, а затем вернуть эту способность, в обоих случаях помимо логического или медико-биологического обоснования – подобно машинисту Мальцеву („В прекрасном и яростном

мире“) или девочке, описанной в одной из записных книжек Платонова (ЗК, 199). Если в ранних статьях писатель называет радиевую энергию емким и важным источником энергетики будущего человека, то в повести „Рассказ о многих интересных вещах“ двое героев Платонова на физиологическом уровне ощущают присутствие радиоволн: „– Чем-то эт завоняло? – спросил Иван. – Странник уставился на небо. – Ет-то? Ет радиий несется. Беспременно он. [...] Аж в глаза лезет вонь жженаая... Чуешь?“¹¹ Новый преобразенный человек обладает „полноорганичностью“, получая способность слышать радиоволны, рассекаать радиосигналы с помощью сабли, открываются и другие, ранее неведомые ресурсы и возможности. В *Чевенгуре*:

– У тебя нос заложило. Это воздух от беспроводных знаков подготавливает.

– Махай палкой! – давал мгновенный приказ Копенкин. – Пугай ихний шум – пускай они ничего не разберут.

Копенкин обнажил саблю и начал ею сечь вредный воздух, пока его привыкшую руку не сводило в суставе плеча.

– Достаточно, – отменял Копенкин. – Теперь у них смутно получилось. (Ч, 128)

Праведник („пролетарий“) Платонова обладает способностью непосредственно внимать „музыке Вселенной“, оформленной в осмысленный и имеющий свою ладовую структуру звуковой ряд. Герою *Чевенгура* Дванову

слышались в воздухе невнятные строфы дневной песни, и он хотел в них возвратить слова. Он знал волнение повторенной, умноженной на окружающее сочувствие жизни. Но строфы песни рассеивались и рвались слабым ветром в пространстве, смешивались с сумрачными силами природы и становились беззвучными, как глина. Он слышал движение, непохожее на его чувство сознания. (Ч, 103)

В начале своего пути в Епифань такие же странные звуки слышит и Перри, герой рассказа „Епифанские шлюзы“. Трагический путь Бертрана Перри начинается с того, что природа намекает ему на гибельность его затеи: „На улице раздался странный резкий звук, будто корабль треснул по всей обшивке от удара льда...“ Перри задумался над этим, но так и не понял и „уснул, не опомнившись“ (Платонов 1982, 43). В преобразенном теле человека возникают новые органы чувств, поэтому человек может воспринимать реальность шире привычного набора пяти сенсоров: вырабатывать яд против комаров в собственном теле („комары теперь боялись людей и не приближались к ним“ (Д, 476)), видеть звук („Я звук могу

¹¹ Цит. по: *Книжное обозрение*, 1988, 21 октября. Возможна также аллюзия на основание в конце 1921 года В.И. Вернадским Радиового института.

увидать, если его не слышать“ (ЗК, 266)), понимать речь животного (см. ЗК, 167), „ночью узнавать птицу на лету“ и распознавать „породу дерева за несколько верст“ (Ч, 275). Как формулирует повествователь *Чевенгура*, чувства такого человека находятся „как бы впереди его тела“, давая ему знать „о любых событиях без тесного приближения к ним“ (Ч, 275). Платоновский „пролетариат“ – это не социальный класс, но новый биологический вид, пришедший, в силу сложившихся в Космосе обстоятельств, на смену *Homo sapiens*, поскольку человек в его нынешнем состоянии не совместим с „полной совершенной жизнью“ (Платонов 1990, 84). Никакой другой жизни Платонов человечеству не желал.

Живое, плодоносное и антиэнтропийное „тепло“ может быть упрочено на Земле и только вместе с самой Землей. Платоновские герои уверены, что, пока Земля жива, не все еще для человечества потеряно. С этой точки зрения можно разделить персонажей Платонова на два основных типа, „направленных в смерть“ и „направленных в жизнь“:

1) сделанные чужой энергией люди, питающиеся чужим теплом, которые более или менее удачно сохраняют в себе „остаток родительской теплоты в младенческом теле, но и этого прочему, безмянному человеку было достаточно, чтобы уцелеть, возмужать и пройти живым к своему будущему“ (Ч, 290). Энергии жизни человека („теплоте“) противостоят враги: цивилизованный филистер, отнимающий энергию у Земли и обращающий ее в ничто, и „мертвая природа“, несущая смерть – „ветер“, который отбирает у человеческого существа жизненные силы: „Такая прошлая жизнь растратила силы пришедших в Чевенгур, и оттого они показались Чепурному немощными непролетарскими элементами, словно они всю жизнь грелись и освещались не солнцем, а луной“ (Ч, 291);

2) „самодельные люди“, которые вырабатывают новую избыточную энергию жизни своим трудом:

Но, истратив все силы на удержание в себе той первоначальной родительской теплоты – против рвущего с корнем встречного ветра чужой, враждебной жизни, – и умножив в себе ту теплоту, за счет заработка у именного настоящего народа, прочие создали из себя самодельных людей неизвестного назначения; причем такое упражнение в терпении и во внутренних средствах тела, сотворили в прочих ум, полный любопытства и сомнения. (Ч, 291)

Деятельность человека как сознания, положенного в тело, сводится к тому, чтобы менять себя и окружающее в сторону увеличения энергетической наполненности. Искание „истины“ платоновскими героями не связано с определением ее адреса вне себя, но с глубоким переформированием вещества как начала, из которого состоит тело самого искателя истины.

Этим объясняются телесно-энергетические метаморфозы Москвы Честновой (*Счастливая Москва*), в то время как Сарториус сосредоточен на интеллектуальной работе: „Она совсем плоха, но героически меняет себя и все, ибо откуда же хорошее, высшее, как не из дела, не из напряжения себя [...]. А Сартор<иус> ищет какого-то пассивного [...] счастья, вообще „истины“ (ЗК, 156).

Основное дело „сокровенного“ человека как „генератора-трансформатора-аккумулятора“ живой энергии мироздания – возвращать жизнь праху, „веществу существования“, пораженному энтропией. Энергетический потенциал человека реализуется в мысли-любви: „Любовь – [...] это внутреннее движение человечества“ (ЗК, 274). Рассуждение об этом содержится в небольшом рассказе-притче „Цветок на земле“:

Цветок, ты видишь, жалконький такой, а он живой, и тело себе он сделал из мертвого праха. Стало быть, он мертвую сыпучую землю обращает в живое тело и пахнет от него самого чистым духом. Вот тебе и есть самое главное дело на белом свете, вот тебе и есть, откуда все берется. Цветок этот – самый святой труженик, он из смерти работает жизнь... (Платонов 1986, 354)

Герой „Первого Ивана“ заявляет повествователью, что потратил на благо общества „одну пяти тысячную часть своей жизни“ (Платонов 1990, 268). Спротивляясь „мраку“ и „холоду“ энтропии, герой-философ Платонова должен успеть еще до смерти додумать свою мысль и доделать свою космическую работу. В одной из первых редакций *Котлована* Платонов записывает, что Вошев „думал неотлучно, сосредоточившись всей силой крови и тепла между сухими костями головы и холодея забытыми конечностями тела“ (Платонов 1995, 93). С другой стороны, большинство человечества лишено такого дара и такой способности – бороться с энтропией и смертью. Отсутствие этой возможности – трагедия мирового порядка, любовь и мысль требуют для себя места, подобно тому, как любая форма вещества или энергии требует бытия для пространства и времени. С инженерной точностью Платонов формулирует возможность такого энергетического коллапса: „Туркменка, которая никогда не любила и не могла любить по условиям жизни, – человек абсолютно без любви, сердце которого все время сжимали, мертвили, давили – трагедия совсем другого порядка, чем обычно, – мирового типа“ (ЗК, 138). Эта трагедия „убывания человека“ (ЗК, 37), ограничения силы, противостоящей смертной усталости – любви, приводит к возникновению энергетической пустыни: „В городе не было любви – все уставали“ (ЗК, 36).

Большинство героев-философов Платонова подобны Вермо („Ювенильное море“), „у которого сердце всегда живет под напором скопившейся

любви и который, не испытав еще, быть может, женщины, уже боится исчезнуть в неизвестном направлении собственной страсти, невнимательно храня себя для высшей доли“ (Платонов 1989, 546). Способность человека бытийно совпадать со своей „высшей долей“ понимается Платоновым как „сокровенность“ или необходимое и „естественное свойство“. В своей записной книжке писатель помечает: „Кто имеет в наибольшей <степени> эту естеств<енную> природу – тот понимает другого лучше, чем тот, у кого это естественное свойство затушевано или находится в недостатке. Из того выходит дурное“ (ЗК, 249). По Платонову, человек не рождается человеком, но становится им, реализуя свою сокровенность. Это внутреннее становление проходит через „двойную необходимость“: принимая в себя пищу и после смерти растворяясь в земле, человек участвует в минеральном порядке Вселенной, „законам мышления он подчиняет себя сам“, но эти „законы мышления“ выражают внутреннюю потребность „живого вещества“ Вселенной. По Платонову, человек как непосредственное выражение вещества Вселенной будет эволюционировать именно в сторону бессмертия и энергетического совершенства, которое состоит из двух параметров: умение отдавать и принимать энергию Космоса и развитие в себе чувствительности к распознаванию и верному применению окружающей энергии.

Л и т е р а т у р а

- Платонов, А. 1975. „Живя главной жизнью“ (А. Платонов в письмах жене, документах и очерках), *Волга*, 9.
- 1980. *Размышления читателя*, М.
- 1982. *Повести. Рассказы. Из писем*, Воронеж.
- 1985. *Собрание сочинений в 3-х тт*, М.
- 1986. *Одухотворенные люди. Рассказы о войне*, М.
- 1988. *Чевенгур*, М.
- 1988а. *Повести и рассказы, 1928–1934*, М.
- 1989. *Чевенгур: Роман и повести*, М.
- 1990. *Государственный житель*, Минск.
- 1990а. „Первый Иван. Заметки о техническом творчестве трудящихся людей“, *Чутье правды*, М.

- 1995. „Фрагменты черного автографа повести ‘Котлован’“, Публикация Т.М. Вахитовой и Г.В. Филиппова, *Творчество Андрея Платонова*, СПб.
- 1998. *Собрание сочинений*, т. 1, М.
- 1999. *Счастливая Москва. Повести. Рассказы. Лирика*, М.
- 1999а. „Питомник нового человека“, Платонов, А. „Жить ласково здесь невозможно...“, *Октябрь*, 2. (Цит. по электронной версии: <http://magazines.russ.ru/october/1999/2/platon.html>)
- 2000. *Записные книжки. Материалы к биографии*, М.